

ЯКОВ ПЕРЕЛЬМАН

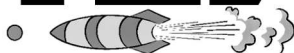
НАУКА ДЛЯ ТЕХ, КТО ВСЕ ЗАБЫЛ

И ТЕХ, КТО ЕЩЕ НЕ ПРОХОДИЛ

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ

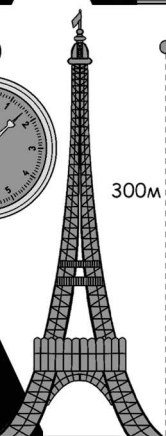
МЕХА

НИ

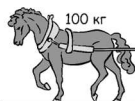
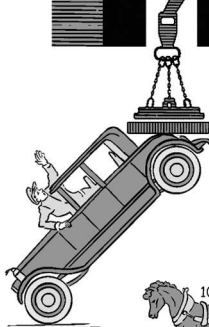
300м

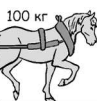
168м

94м

КА

100 кг

100 кг

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 531/534
ББК 22.2
П27

Иллюстрация на стр. 3 создана по мотивам обложки книги
Я.И. Перельмана, опубликованной в 1932 году.

В коллаже на обложке использована иллюстрация:
OMIA silhouettes / Shutterstock / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

Перельман, Яков Исидорович.

П27   Занимательная механика / Яков Перельман. —
Москва : Эксмо, 2026. — 224 с. — (Перельмания.
Классика нашей науки).

ISBN 978-5-04-223108-7

Занимательная механика Якова Перельмана — это универсальный ключ к миру физики. Книга превращает скучные задачи и формулы в захватывающие истории: от «летательной машины на магните», которая никогда не взлетит (из-за третьего закона Ньютона!), до загадки о том, какое яйцо ударяющее — или ударяемое — разобьется быстрее (если они одинаковой прочности)?

Берите яблоко, веревку или мячик, и разбирайтесь: почему качели раскачиваются дольше на длинной цепи? Как лебедка поднимает больше груза, чем человек?

Благодаря простым иллюстрациям и точным объяснениям замечательного популяризатора науки, вы с удивлением обнаружите, что механика скрывается буквально повсюду, и вы можете в ней разобраться.

Книга будет интересна взрослым и детям и отлично подойдет для полезного семейного досуга.

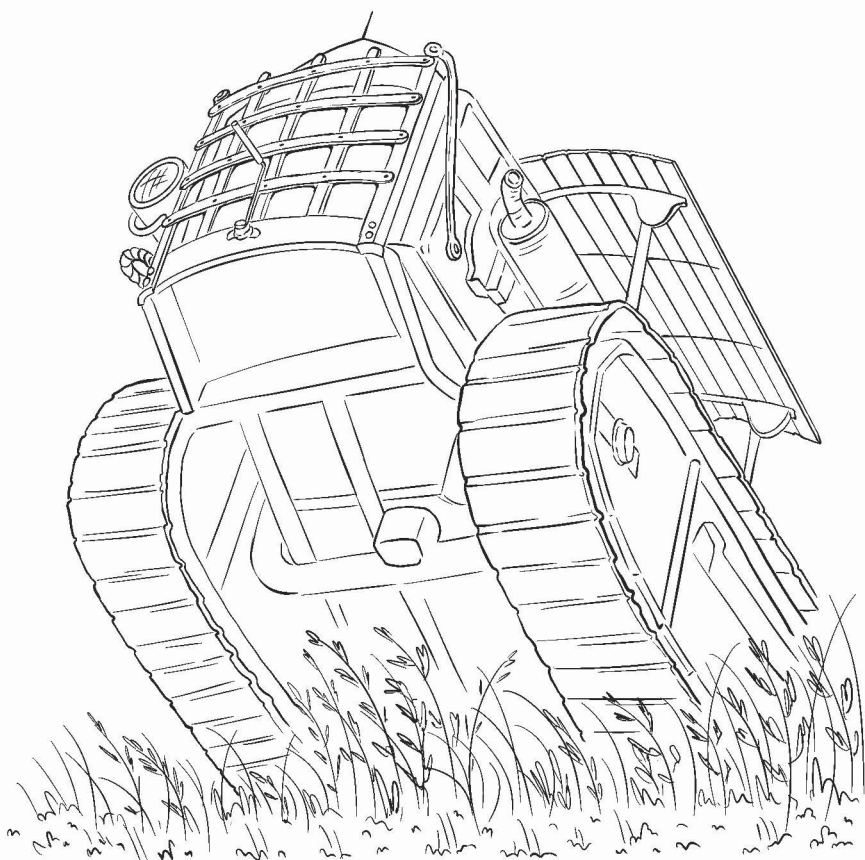
УДК 531/534
ББК 22.2

ISBN 978-5-04-223108-7

© Ситникова А., иллюстрации, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Я. И. П Е Р Е Л Ъ М А Н

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МЕХАНИКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Две книги «Занимательной физики», которым суждено было разойтись более чем в ста тысячах экземпляров¹, сделали то, что читатели, сталкиваясь на практике с затруднительными физическими задачами, нередко обращаются за их разрешением к автору названных книг. Чрезвычайно интересно разнообразие этих вопросов: в них встречается все — от обиходных затруднений до задач большой техники и научных вопросов из смежных областей знания. Домашняя хозяйка спрашивает, полезно ли, замазывая на зиму окна, оставлять в наружной раме щели, как делают маляры. Кинофабрика, театр просят указаний о способе осуществления трюка или сценического эффекта. Врач лазарета просит по телефону немедленно разрешить такой вопрос: наложенная на рану марля пропиталась гноем, и надо отсосать гной, не делая новой перевязки; какую для этого нужно положить марлю поверх намокшей — с более крупными или более мелкими ячейками? Автор медицинской диссертации о шумах в венах нуждается в указаниях относительно движения жидкостей в трубках. Воздухоплаватель желает обсудить некоторые случаи движения дирижабля в потоке воздуха. Различные изобретатели — в том числе, конечно, и «вечного двигателя» — просят проверить правильность их основной идеи. Даже судостроительному заводу понадобились однажды услуги автора «Занимательной физики» для расчета, относящегося к спуску судна на воду. Приведенный ряд не вымышленных, а самую жизнью поставленных вопросов убедительно доказывает поистине всеобъемлющее значение физики и теснейшее ее отношение ко всем сторонам жизни.

Если «естествознание есть грамотность мысли», то всего более справедливо это для физики, без овладения которой нельзя грамотно рассуждать ни в одной отрасли естествознания.

---

¹ Текст написан в 1930 г.

Распространение у нас физических знаний, к сожалению, далеко еще не отвечает исключительной важности этой науки. Особенно смутны в широких кругах представления из того отдела физики, который служит ее основой: из механики, учения о движении и силах. А «кто не знает движения, тот не понимает природы» (Аристотель).

Хотя вопросам механики отведено немало страниц в обеих книгах «Занимательной физики», я счел полезным посвятить механике отдельную книгу, написанную в той же манере.

«Занимательная механика» не спешит ознакомить читателя с последними достижениями науки, пока не выяснены первые ее основы. Она не излагает, впрочем, своего предмета с учебной систематичностью. Предполагая у читателя некоторые, хотя бы смутно усвоенные или полузабытые сведения, книга стремится освежить и уточнить их разбором ряда механических задач, любопытных в том или ином отношении. Не притязает книга и на исчерпание всех отделов механики: многие интересные вопросы не рассмотрены, иные — едва затронуты. Цель «Занимательной механики» — разбудить дремлющую мысль и привить вкус к занятию механикой; любознательный читатель сам тогда разыщет и приобретет недостающие сведения.

Вопреки установившемуся для популярных книг обычаю, в «Занимательной механике» попадаются математические выкладки. Мне известна неприязнь, которую питают многие к таким местам книг. И все же я не избегаю расчетов, так как считаю физические знания, приобретенные без расчетов, шаткими и практически бесплодными. Немыслимо получить скольконибудь полезные и прочные сведения из физики и особенно из механики, минуя относящиеся к ним простейшие расчеты.

В «Кодексе Юстиниана» (VI век) имеется закон «о злодеях, математиках и им подобных», в силу которого «безусловно воспрещается достойное осуждения математическое искусство». В наши дни математики не приравняются к злодеям, но их «искусство» в популярных книгах безусловно воспрещается. Я не сторонник такой популяризации. Не для того тратим мы целые годы в школе на изучение математики, чтобы выбрасывать ее за борт, когда она понадобится. «Занимательная механика» прибегает к расчетам всюду, где необходимо внести ясность

в вопрос; излишне добавлять, что математические злодеяния совершаются здесь в скромных пределах школьного курса.

Последняя глава этой книги — «Занимательная прогулка в страну Эйнштейна» — написана талантливым ленинградским математиком О. А. Вольбергом. Она представляет собою совершенно своеобразную и чрезвычайно удачную попытку общепонятного изложения сущности теории относительности. За предоставление этой превосходной статьи для «Занимательной механики» считаю себя приятно обязанным выразить здесь признательность автору.

В настоящем, третьем издании исправлены недосмотры прежних двух и прибавлено в разных местах несколько страниц текста.

Я. П.

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ МЕХАНИКИ

ЗАДАЧА О ДВУХ ЯЙЦАХ

Держа в руках яйцо, вы ударяете по нему другим. Оба яйца одинаково прочны и сталкиваются одинаковыми частями. Которое из них должно разбиться: ударяемое или ударяющее?

Вопрос поставлен был несколько лет назад¹ американским журналом

«Наука и изобретения». Журнал утверждал, что, согласно опыту, разбивается чаще «то яйцо, которое *двигалось*», другими словами — яйцо *ударяющее*.

«Скорлупа яйца, — пояснялось в журнале, — имеет кривую форму, причем давление, приложенное при ударе к неподвижному яйцу, действует на его скорлупу снаружи; но известно, что, подобно всякому своду, яичная скорлупа хорошо противостоит давлению извне. Иначе обстоит дело, когда усилие приложено к яйцу движущемуся. В этом случае движущееся содержимое яйца напирает в момент удара на скорлупу изнутри. Свод противостоит такому давлению гораздо слабее, чем напору снаружи, и — проламывается».

Когда та же задача была предложена мной в распространенной ленинградской газете, решения поступили крайне разнообразные.

---

¹ Текст написан в 1930 г. (*Здесь и далее, если не указано иное — Прим. ред.*)

Одни из решающих доказывали, что разбиться должно непременно *ударяющее* яйцо; другие — что именно оно-то и уцелеет. Доводы казались одинаково правдоподобными, и тем не менее оба утверждения — в корне ошибочны! Установить рассуждением, которое из соударяющихся яиц должно разбиться, вообще невозможно, потому что между яйцами ударяющим и ударяемым различия не существует. Нельзя сослаться на то, что ударяющее яйцо движется, а ударяемое неподвижно. Неподвижно —

по отношению к чему? Если к земному шару, то ведь известно, что планета наша сама перемещается среди звезд, совершая десяток разнообразных движений; все эти движения «ударяемое» яйцо разделяет так же, как и «ударяющее», и никто не скажет, которое из них движется среди звезд быстрее. Чтобы предсказать судьбу яиц по признакам движения и покоя, понадобилось бы перевернуть всю астрономию и определить движение каждого из соударяющихся яиц относительно неподвижных звезд. Да и это не помогло бы, потому что отдельные видимые звезды тоже движутся и вся их совокупность, Млечный Путь, перемещается по отношению к иным звездным скоплениям.

Яичная задача, как видите, увлекла нас в бездны мироздания и все же не приблизилась к разрешению. Впрочем, нет, — приблизилась, если звездная экскурсия помогла нам понять ту важную истину, что движение тела без указания другого тела, к которому это движение относится, есть попросту бессмыслица. Одинокое тело, само по себе взятое, двигаться не может; могут перемещаться только *два тела* — взаимно сближаться или взаимно удаляться. Оба соударяющихся яйца находятся в одинаковом состоянии движения: они взаимно сближаются, — вот все, что мы можем сказать об их движении. Результат столкновения

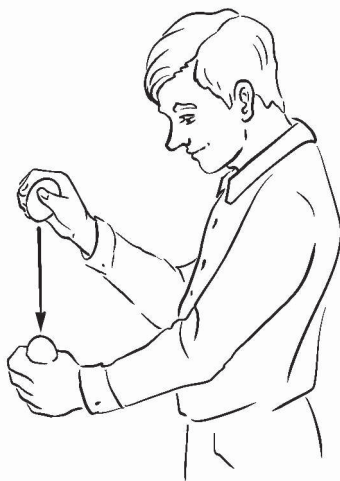

Рис. 1. Которое яйцо сломается?

не зависит от того, какое из них пожелаем мы считать неподвижным и какое — движущимся.

Триста лет назад¹ впервые провозглашена была Галилеем относительность равномерного движения и покоя, их полная равнозначность. Этот «принцип относительности классической механики» не следует смешивать с «принципом относительности Эйнштейна», выдвинутым уже на глазах нынешнего поколения² и представляющим дальнейшее развитие первого принципа. Об учении Эйнштейна речь будет в последней главе нашей книги; но для его понимания необходимо хорошо уяснить себе главные следствия Галилеева принципа.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ДЕРЕВЯННОМ КОНЕ

Из сейчас сказанного следует, что состояние равномерного прямолинейного движения неотличимо от состояния неподвижности при условии обратного *равномерного* и прямолинейного движения окружающей обстановки. Сказать: «тело движется с постоянной скоростью» и: «тело находится в покое, но все окружающее равномерно движется в обратную сторону» — значит утверждать одно и то же. Строго говоря, мы не должны говорить ни так, ни этак, а должны говорить, что тело и обстановка движутся одно относительно другой. Мысль эта еще и в наши дни усвоена далеко не всеми, кто имеет дело с механикой и физикой. А между тем она не чужда была уже автору «Дон Кихота», жившему три столетия назад и не читавшему Галилея. Ею проникнута одна из забавных сцен произведения Сервантеса — описание путешествия прославленного рыцаря и его оруженосца на деревянном коне.

«— Садитесь на круп лошади, — объяснили Дон Кихоту. — Требуется лишь одно: повернуть втулку, вделанную у коня на шею, и он унесет вас по воздуху туда, где ожидает вас Маламбумо. Но, чтобы высота не вызвала головокружения, надо ехать с завязанными глазами.

Обоим завязали глаза, и Дон Кихот дотронулся до втулки».

¹ В 1632 г., в труде «Диалог о двух системах мира».

² В 1905 г., в труде «К электродинамике движущихся тел».

Рис. 2. Воображаемый полет Дон Кихота и его оруженосца на деревянном коне

Окружающие стали уверять рыцаря, что он уже несется по воздуху «быстрее стрелы».

«— Готов клясться, — заявил Дон Кихот оруженосцу, — что во всю жизнь мою не ездил я на коне с более спокойной поступью. Все идет, как должно идти, и ветер дует.

— Это верно, — сказал Санчо, — я чувствую такой свежий воздух, точно на меня дуют из тысячи мехов.

Так на самом деле и было, потому что на них дули из нескольких больших мехов».

Деревянный конь Сервантеса — прообраз многочисленных аттракционов, придуманных в наше время для развлечения публики на выставках и в парках. То и другое основано на полной невозможности отличить состояние покоя от равномерного движения.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И МЕХАНИКА

Многие привыкли противопоставлять покой движению, как небо — земле и огонь — воде. Это не мешает им, впрочем, устроившись в вагоне на ночлег, нимало не заботясь о том, стоит ли поезд или мчится. Но в теории те же люди зачастую убежденно

оспаривают право считать мчащийся поезд неподвижным, а рельсы, землю под ними и всю окрестность — движущимися в противоположном направлении.

«Допускается ли такое толкование здравым смыслом машиниста? — спрашивает Эйнштейн, излагая эту точку зрения. — Машинист возразит, что он топит и смазывает не окрестность, а паровоз; следовательно, на паровозе должен сказаться и результат его работы, т. е. движение».

Довод представляется на первый взгляд очень сильным, едва ли не решающим. Однако вообразите, что рельсовый путь проложен вдоль экватора и поезд мчится на запад, против вращения земного шара. Тогда окрестность будет бежать навстречу поезду и топливо будет расходоваться лишь на то, чтобы мешать паровозу увлекаться назад, — вернее, чтобы помогать ему хоть немного отставать от движения окрестности на восток. Пожелай машинист удержать поезд совсем в покое (относительно Солнца), он должен был бы топить и смазывать паровоз так, как нужно для скорости две тысячи километров в час. Чтобы убедить тех, кто еще сомневается в законности взаимной замены «покоя» и «движения», приведу слова одного из немногих *противников* учения Эйнштейна, проф. Ленарда¹; критикуя Эйнштейна, он не посягает, однако, на теорию относительности Галилея. Вот что он пишет:

«Пока движение поезда остается вполне равномерным, нет никакой возможности определить, что именно находится в движении и что в покое: поезд или окрестность. Устройство материального мира таково, что всегда во всякий данный момент исключает возможность абсолютного решения вопроса о наличии равномерного движения или покоя и оставляет место только для изучения равномерного движения тел относительно друг друга, так как участие наблюдателя в равномерном движении не отражается на наблюдаемых явлениях и их законах».

---

¹ Ленард Филипп Эдуард Антон фон (1862–1947) — немецкий физик, лауреат Нобелевской премии 1905 г. за исследование катодных лучей; впоследствии разделил идеи национал-социализма и стал пропагандистом так называемой «арийской физики» в фашистской Германии.

ПОЕДИНОК НА КОРАБЛЕ

Можно представить себе такую обстановку, к которой иные, пожалуй, затруднятся практически применить принцип относительности. Вообразите, например, на палубе движущегося судна двух стрелков, направивших друг в друга свое оружие. Поставлены ли оба противника в строго одинаковые условия? Не вправе ли стрелок, стоящий спиной к носу корабля, жаловаться на то, что пущенная им пуля летит медленнее, чем пуля противника?

Конечно, по отношению к воде моря пуля, пущенная против движения корабля, летит медленнее, чем на неподвижном судне, а пуля, направленная к носу, летит быстрее. Но это несколько не нарушает условий поединка: пуля, направленная к корме, летит к мишени, которая *движется ей навстречу*, так что при равномерном движении судна недостаток скорости пули как раз восполняется встречной скоростью мишени; пуля же, направленная к носу, *догоняет свою мишень*, которая удаляется от пули со скоростью, равной избытку скорости пули.

В конечном счете обе пули *по отношению к своим мишеням* движутся совершенно так же, как и на корабле неподвижном.

Не мешает прибавить, что все сказанное относится только к такому судну, которое идет по прямой линии и притом с постоянной скоростью.

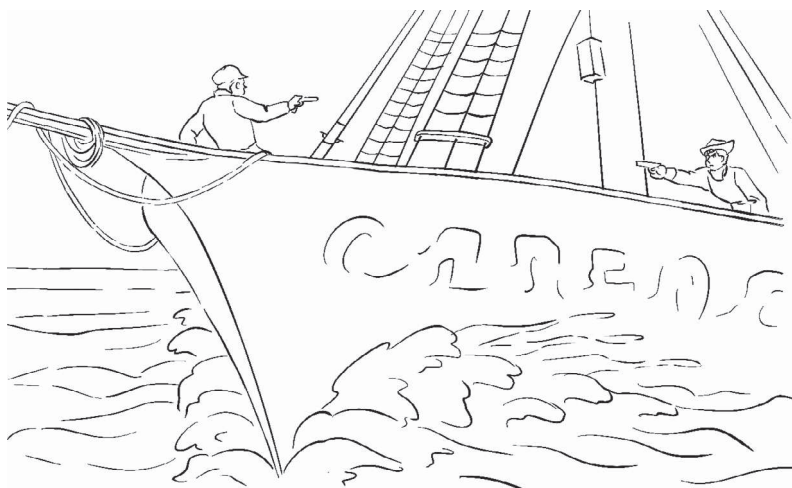

Рис. 3. Чья пуля раньше достигнет противника?

Здесь уместно будет привести отрывок из той книги Галилея, где был впервые высказан классический принцип относительности (книга эта, к слову сказать, едва не привела ее автора на костер инквизиции).

«Заключите себя с приятелем в просторное помещение под палубой большого корабля. Если движение корабля будет равномерным, то вы ни по одному действию не в состоянии будете судить, движется ли корабль или стоит на месте. Прыгая, вы будете покрывать по полу те же самые расстояния, как и на неподвижном корабле. Вы не сделаете вследствие быстрого движения корабля бóльших прыжков к корме, чем к носу корабля, — хотя, пока вы находитесь в воздухе, пол под вами бежит к части, противоположной прыжку. Бросая вещь товарищу, вам не нужно с большей силой кидать от кормы к носу, чем наоборот... Мухи будут летать во все стороны, не держась преимущественно той стороны, которая ближе к корме», и т. д.

Теперь понятна та форма, в которой обычно высказывается классический принцип относительности: «Все движения, совершающиеся в какой-либо системе, не зависят от того, находится ли система в покое или перемещается прямолинейно и равномерно».

АЭРОДИНАМИЧЕСКАЯ ТРУБА

На практике иной раз оказывается чрезвычайно полезным заменять движение покоем и покой движением, опираясь на классический принцип относительности. Чтобы изучить, как действует на самолет или автомобиль сопротивление воздуха, сквозь который они движутся, обычно исследуют «обращенное» явление: действие движущегося потока воздуха на покоящийся самолет. В лаборатории устанавливают широкую аэродинамическую трубу (рис. 4), устраивают в ней ток воздуха и изучают его действие на неподвижно подвешенную модель аэроплана или автомобиля. Добытые результаты с успехом прилагают к практике,

хотя в действительности явление протекает как раз наоборот: воздух неподвижен, а аэроплан или автомобиль прорезают его с большой скоростью.

Читателю будет интересно узнать, что одна из крупнейших в мире аэродинамических труб устроена у нас в Москве, в Центральном аэрогидродинамическом институте (сокращенное обозначение — ЦАГИ). Она имеет восьмиугольную форму; длина ее — 50 м, а поперечник в рабочей части — 6 м. Благодаря таким размерам в ней умещается не уменьшенная лишь модель, а корпус настоящего аэроплана с пропеллером или целый автомобиль в натуральную величину. Более крупная аэродинамическая труба сооружена недавно во Франции: ее эллиптическое сечение имеет размеры $18 \text{ м} \times 16 \text{ м}$.¹

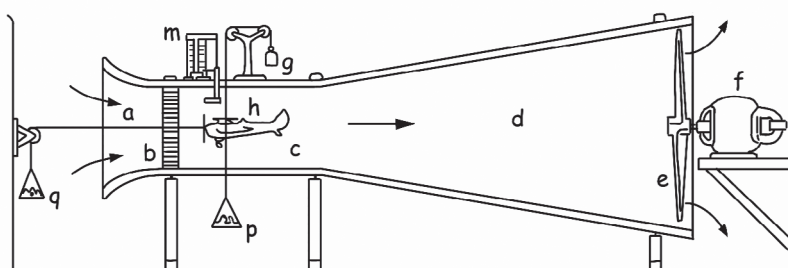

Рис. 4. Разрез аэродинамической трубы ЦАГИ.

Воздух засасывается в трубку пропеллером *e* через решетку (*f* — электродвигатель). Действие тока воздуха на аэроплан изучается с помощью приборов *p*, *g*, *t*. Подвес *q* — так называемые аэродинамические весы — уравновешивает давление воздушного потока

НА ПОЛНОМ ХОДУ ПОЕЗДА

Другой пример плодотворного применения классического принципа относительности беру из заграничной железнодорожной практики. В Англии и в Америке тендер нередко пополняется водой на полном ходу поезда. Достигается это остроумным

¹ Ныне крупнейшей в мире является аэродинамическая труба исследовательского центра Эймса (США) — 25 м в высоту и 50 м в ширину.